

Е.В.ИВАНОВА

«Ангел-хранитель русского изгнания»

Пол Андерсон и о. Сергей Булгаков. К истории взаимоотношений^[1]

За несколько лет до смерти, накануне тяжелой операции, 18 марта 1939 г. отец Сергей Булгаков писал Полу Андерсону: «...Вам, с которым мне дано было работать в мире и согласии более 10 лет, как некоему ангелу-хранителю русского изгнания, призванному из страны далекой и чуждого народа, хочется сказать во имя русской церкви и русской культуры и русского народа сердечное спасибо...»^[2]. Столь ответственные слова, сказанные к тому же почти на смертном одре, нуждаются в пояснении, тем более что обращены они были к человеку, формально выступавшему скорее в роли администратора, одного из руководителей парижского отделения YMCA^[3]. Подробное изучение роли Пола Андерсона в судьбе русской эмиграции и в судьбе о. Сергия Булгакова еще впереди, в настоящей работе мы коснемся лишь эпизода, который может дать некоторые комментарии к истории отношений Андерсона и о. Сергия. Тесные контакты между Андерсоном и Булгаковым начались в связи с созданием в 1925 г. Православного Богословского института св. Сергия при Сергиевском подворье в Париже^[4], деканом которого стал о. Сергей Булгаков. YMCA и один из руководителей ее парижского отделения Пол Андерсон принимали деятельное участие в организации Богословского института и продолжали оказывать ему финансовую поддержку в первые годы его работы. Однако, как отметил Р. Берд, «...к началу 1930-х гг. YMCA сложила с себя прямые обязанности за Богословский институт, который стал рассчитывать на помощь отдельных комиссий, образованных при Епископальной церкви (т. е. Англиканской церкви в Америке)»^[5]. Эта поддержка во многом осуществлялась при помощи Пола Андерсона, который сопровождал Булгакова в его поездках в США в 1934 и 1936 гг. с целью сбора средств для Богословского института^[6].

Но для истории отношений Андерсона и Булгакова не менее существенным будет еще и тот факт, что благодаря YMCA и Андерсону Богословский институт получал финансовую поддержку Англиканской церкви. Контакты Русской православной церкви в изгнании с Англиканской церковью — тема особого разговора, основные вехи этих контактов описаны в статье Николая и Милицы Зерновых «Содружество св. мученика Албания и преп. Сергия»^[7]. Для настоящего сообщения важно отметить роль, которую играл Пол Андерсон в этих контактах: перед лицом Англиканской церкви он зачастую становился своего рода гарантом, а его мнение играло едва ли не определяющую роль в финансировании Богословского института, деятельность которого, протекавшую в среде русской эмиграции, англичане не могли оценить без посторонней помощи. Роль и значение Андерсона отчетливо проявились в его переписке с деятелями Англиканской церкви по поводу Указа Московской Патриархии от 7 сентября 1935 г. с осуждением о. Сергия Булгакова^[8]. Понимая, что Указ может осложнить отношения с деятелями Англиканской церкви, Пол Андерсон считал необходимым сам снабдить их полной информацией об Указе и обстоятельствах его создания. Первые письма по этому поводу пока не выявлены, но уже в октябре 1935 г. Андерсон вел активную переписку об Указе.

В октябре 1935 г., комментируя докладную записку, готовившуюся к публикации о. Сергием Булгаковым для митрополита Евлогия^[9], Пол Андерсон писал канонику Дугласу, в ведении которого в тот момент находились внешнецерковные связи Англиканской церкви: «...Считаю, что в целом этот документ соответствует тому, что рекомендовали Вы. Сложность заключается в том, чтобы это не выглядело только как полемика, *видимости* спора. Он обязан рассматривать вопросы, поднятые в Указе, и руководствоваться в своем изложении не только желанием дать ответ на обвинения, но и намерением дать полное изложение своего учения. В целом же мне кажется, что учение изложено ясно, но в то же время здесь присутствует элемент «обвинения и ответа на него». Это писалось Булгаковым не в спешке, учитывая, что Указ был получен митрополитом Евлогием 26 сентября, а Булгаковым на следующий день. Следовательно, у него был месяц для написания ответа. Главное для меня, чтобы в ответе или в связи с ним содержалось точное позитивное изложение, передающее суть всей проблемы. Я не вижу необходимости отвечать по пунктам Указа, но

рекомендовал отцу Сергию дать краткое изложение. Я встречу с ним по этому вопросу сегодня во второй половине дня снова. Тогда же мы посоветуемся о времени публикации. Я напишу Вам еще после получения черновика записки, которую Вы пошлете мне в понедельник»^[10].

Следующее письмо Андерсона к канонику Дугласу свидетельствует о том, что Дуглас также готовил некий ответственный документ, который должен был выражать позицию Англиканской церкви по этому вопросу, и Андерсон снабжал его необходимой информацией.

В следующем письме канонику Дугласу от 29 октября он сообщал, что публикация указа и записки о. Сергия митр. Евлогию отложена до тех пор, пока карловчане не изложат свою точку зрения на Указ. В этом же письме Дуглас излагал содержание своей беседы с Евграфом Ковалевским, который был одним из основателей братства св. Фотия, и со слов которого история написания Указа выглядела следующим образом: «Вопрос об учении Булгакова упоминался в нескольких документах, которыми обменивалось братство и митрополит Сергей в течение нескольких последних лет. Митрополит Елевферий также проявлял интерес к этому учению, но преимущественно по причине критики учения в его присутствии со стороны Ковалевского и Лосского. В результате поздней весной этого года митрополит Сергей попросил митрополита Елевферия, а также братство подготовить отчет об этом учении. Я не уверен, что запрос в братство исходил непосредственно от митрополита Сергия или шел через митрополита Елевферия. Братство ответило, что оно подготовит такой доклад, но потребуется значительное время, чтобы его продумать. Тем временем митрополит Елевферий сделал запрос Ставровскому^[11], который жил в Ковно. И именно только отчет Ставровского, состоящий из цитат из Булгакова и их критики, был отправлен в Москву, с приложением нескольких относящихся к нему писем, он и лег в основу Указа митрополита Сергия».

Получив Указ, митр. Елевферий даже не передал его братству, пока оно не написало в Москву и не получило его от митр. Сергия. Прочитав Указ, члены братства были задеты тем, что о них упоминалось, хотя они свой документ еще не представили и указали на поверхностность Указа. Возможно, это удержало митр. Елевферия от публикации Указа, но не помешало митр. Сергию разослать этот документ митр. Хризостому, о. Мирону, о. Варнаве и др. После этого братство не вступало в дискуссию. Пол Андерсон сообщал также, что публикация Указа и ответа на него задерживается митр. Елевферием и о. Сергием до возвращения митр. Евлогия из Белграда, который должен рассмотреть этот вопрос^[12].

В этом изложении не все выглядит точно, известно, например, что при составлении Указа митр. Сергей помимо мнения Ставровского, располагал отзывом еще одного члена фотиевского братства — Владимира Лосского^[13]. А кроме того, в бумагах Дугласа сохранилась записка «Разъяснения братства св. Фотия по поводу суждений Московской Патриархии о богословии протоиерея С.Н. Булгакова» от 14 октября 1935 г., где между прочим сказано: «Русская религиозная мысль и православие, русская религиозная философия за последние сто лет является бесспорно высочайшим выражением нашей самобытной культуры, вершиной мысли и творчества. Однако уже в начале XIX века русские мыслители, несмотря на разнообразие течений и отсутствие догматической точности, стали создавать особое «русское» восприятие Православия: «варвар и скиф» (Кол., 3, 11) захотели иметь «своего» Христа <...> В наше время национальные особенности и уклонения в русской религиозной мысли нашли свое богословское сгущение, своего рода новую «Сумму», в выдающихся по силе и глубине своей мысли трудах прот. С.Н. Булгакова, создавшего систему, которая «настолько самостоятельна, что может или заменить учение Церкви, или уступить ему, но слиться с ним не может» (М. Сергей)». Указ митр. Сергия цитировался вполне сочувственно. Далее документ имел еще более антибулгаковскую направленность, в нем по пунктам излагались «софианские споры» и выражалось негативное отношение не только к учению о. Сергия, но и к «парижскому богословию» в целом^[14].

Андерсон в цитированном выше письме к Дугласу от 29 октября излагал беседу с Ковалевским относительно того, как именно следует обсуждать учение о. Сергия, поскольку неясными оставались истинные намерения митр. Сергия и цель издания Указа. «Братство настаивает на том, — сообщал Андерсон, — что они просто хотят поставить вопрос о нем для обсуждения и критики, чтобы был услышан голос Церкви. Оно до сих пор полагает, что митрополит Сергей, публикуя свой документ,

преследовал именно эту цель. Однако я объясняю им, что из пункта 3 Указа вытекали бы административные меры, если бы о. Сергей находился в юрисдикции Московского Патриархата, и что в результате он мог лишиться духовного звания»[15].

В этой связи Пол Андерсон настаивал на необходимости прояснить истинные намерения митр. Сергия. «Сложность заключается в том, что викарий Парижа не располагает достаточными возможностями, на него нельзя полагаться в разрешении подобных вопросов, поскольку он может только написать Елевферию, который, как и викарий, способен только запутать простой вопрос. С этой точки зрения братство и Ковалевский обладают тем преимуществом, что митрополит Сергий считает их крупной и мощной организацией (!). В любом случае я не вижу иного способа действия для кого-либо из епархии митрополита Сергия <...>. В любом случае все сходятся в том, что хорошо бы устроить свободную дискуссию и найти каноническую форму решения проблемы»[16]. На следующий день Пол Андерсон разослал краткую историю Указа и свои комментарии по его поводу в виде записки. В письме к канонику Дугласу, он упомянул, что свою записку он направил еще Артуру Добби-Бейтману (Dobbie-Bateman), Ивану Йангу (Ivan Young) и Фенну (Fenn), но, судя по ответам, присланным на имя Дугласа, ее получил гораздо более широкий круг лиц. Текст записки Андерсона представляет собой пространственный документ, где речь идет прежде всего и о происхождении Указа и о позиции о. Сергия[17]. Записка во многом повторяет все то, что излагалось в письмах к канонику Дугласу.

Позиция самого Андерсона выражена в письме к преп. Напье Виттингему (rev. G. Napier Whittingham). Информировав его о своей переписке с каноником Дугласом по поводу Указа, Андерсон подчеркивал, почему «проблема Булгакова» имеет, с его точки зрения, особую важность: «... Я склонен рассматривать Указ не как частный эпизод, а как проявление православного догматизма, препятствующего развитию православной мысли. В течение последнего уик-энда я читал книгу Адени (Adeny) о Греческой и Восточной церквях, и особенно обратил внимание на одно место в книге, актуальное сегодня, где Григорий Нисский описывается как один из тех, кто «ввел Православие в атмосферу свободной философии и пытался доказать его истинность на основах абстрактных доводов». Примерно то же самое пытается сделать о. Сергей Булгаков»[18].

Таким образом, Андерсон сделал все возможное, чтобы Указ не оказал отрицательного воздействия на отношение англикан к о. Сергию. В ряду действий по защите о. Сергия следует рассматривать и публикацию статьи о нем в журнале «The living Church» в Америке. Хотя в статье ни слова об Указе не сказано, это была попытка повлиять на церковное общественное мнение в Америке, где недавно побывал Булгаков и куда готовил следующий визит. Предваряя второй визит Булгакова в Америку, Андерсон писал: «Как глубокомысленный философ, отец Булгаков писал на тему Святой Софии (Премудрости Божией), а как современный церковный деятель он писал о вопросах общественной реформы в свете церковного вероучения. Он представляет себе перестройку общества под знаком православной культуры, и его труды ассоциируются с трудами таких современных русских христианских мыслителей, как Николай Бердяев, Василий Зеньковский, Николай Лосский, священник Георгий Флоровский, Борис Вышеславцев, и другие, которых не будем называть, поскольку они еще живут в России. Вместе с ними он предлагает такое понимание православной веры, согласно которому Бог — Бог живой, а предание — живое предание; что Церковь — Божественное общество на земле, которое должно стремиться быть откровением Божественной Воли во всех сторонах жизни. Со временем Православная Церковь должна будет признать, что эта группа оказала ей во многом такое же служение, как и оксфордское движение, от трактарианистов до Чарлза Гора, оказало англиканской общине»[19].

Андерсон не только пытался создать благоприятный климат для обсуждения «булгаковского вопроса», но пытался смягчить и тех, кто явно относился к числу его противников. Например, таковым оказался д-р Гарви (dr. Garvi). Текст его письма неизвестен, но о его позиции мы можем судить по одному из писем Андерсона, что его усилия по смягчению обстановки были не напрасными. В недатированном письме к майору Полу Тюдору (major W. Tudor Pole), по содержанию относящемуся к концу октября — началу ноября, Андерсон отвечает на обвинения д-ра Гарви: «Я охотно понимаю реакцию д-ра Гарви, как она изложена в первой половине его высказывания «почти фанатичная защита почитания Богоматери», учитывая, что д-р Гарви был в Лозанне, где о. Сергей с чрезмерным энтузиазмом выдвигал именно эту сторону православия. Однако слово «культ»

кажется здесь слишком сильным, д-р Гарви не сумел, как этого требует православие, отличить культ от более низких степеней почитания. Отец Сергей временами бывает так настойчив, что может показаться «фанатиком», однако в этом, как показывают мои личные наблюдения в течение многих лет, проявляется не фанатизм, а православие. Что касается «его теории о том, что она является воплощением Божественной Софии или Премудрости», это приводит нас к вопросу, который поднят митрополитом Сергием, и ответ на который может быть дан лишь после того, как о. Сергей четко сформулирует свою позицию в этом вопросе. Следовательно, нет необходимости рассматривать этот вопрос сейчас»[20]. Однако, ключевым моментом письма Андерсона к Полу Тюдору, без сомнения, является следующая фраза: «В настоящее время сторонникам Академии (так в переписке называется Православный Богословский институт — *Е.И.*) в Англии и Америке ничего не стоит предпринимать; мы должны занимать разумную позицию и подчеркивать важность существования Академии и ее уникальность в жизни Русской Церкви, не касаясь отношений о. Сергия с ней, которые должны определяться православными иерархами, несущими за нее ответственность»[21].

Здесь очевидно выступают обе стороны проблемы, волновавшие Андерсона — содержание Указа и его правомерность, с одной стороны, и влияние Указа на отношение к Богословскому институту, с другой. Судя по этому письму, о. Сергей, активный участник собеседований с представителями Англиканской церкви в Лозанне, а также участник англо-русских студенческих конференций в Хай-Лей (High-Leigh), был довольно известен среди англиканских богословов, но пламенный мистицизм его воззрений вызывал у многих из них настороженное отношение. Возможно, понимание этого и лежало в основе действий Андерсона.

Усилия Андерсона оказались успешными, о чем свидетельствуют отклики лиц, которым была разослана записка Пола Андерсона. Так Б.Дж. Кидд (B.J. Kidd) из оксфордского Кейбл Колледжа 17 ноября 1935 г., не настаивая на особой компетентности собственных суждений, писал: «Я не разбираюсь в тонкостях восточных рассуждений, все это мне кажется таинственным и неопределенным. <...> По существу они не отрицают Символ Веры. Я полагаю, прежде чем воздвигать обвинение в ереси, необходимо доказать явное противоречие с ним. С другой стороны, в этих рассуждениях я вижу гораздо больше гностицизма, чем христианства. Здесь много просто безответственных суждений, напоминающих попытки Оригена поставить свои исследования выше церковного предания или уставов веры»[22].

21 ноября профессор-богослов Н.П. Вильямс (N.P. Williams; 1883–1943) из монастыря церкви Христа в Оксфорде писал, опять-таки ссылаясь на ограниченность своего знакомства с православием, следующее: «Язык его рассуждений о Софии кажется довольно диким и наполовину отдает гностицизмом. Но я предполагаю, что Булгаков мистик, а язык мистиков не следует понимать буквально: некоторые из западных мистиков, если буквально их понимать, могут показаться атеистами. То же самое и с его интерпретацией искупления. Я не стал бы утверждать, что автор не является сторонником католической доктрины Троицы и воплощения, пока не поговорю с ним лично. Когда я встречался с Булгаковым и обсуждал с ним богословские вопросы, он показался мне ультраконсервативным. С другой стороны, в некоторых утверждениях я склоняюсь на его сторону. Я думаю, что он правильно поддерживает шотландскую теорию причин воплощения, считая, что для этого достаточно доказательств. Утверждение Ставровского, что Ориген и его последователи были осуждены на Пятом Вселенском соборе кажется мне спорным»[23].

Но эта богословская часть письма неожиданно заканчивалась вполне практическими соображениями, касающимися того вопроса, который, по существу, и составлял подтекст всей переписки: «Не знаю, прав ли я, считая, что Ваш вопрос связан с обсуждением отделом внешних связей проблемы субсидирования Академии в Париже. Если бы спросили мое мнение, я считал бы, что нет причин отказывать в помощи, если есть возможность ее оказывать. Некоторая эксцентричность Булгакова нас не касается, и если иерархи держат его в Академии, зачем об этом беспокоиться нам»[24].

Гораздо более развернутый ответ, но содержащий скорее изложение собственных взглядов, чем критику о. Сергия, дал Иван Йанг. Иван Йанг находился в переписке с о. Георгием Флоровским, и возможно, что его отношение к Булгакову отчасти определялось этими контактами. Кроме того,

письмо Ивана Йанга свидетельствует еще и о том, что для него это было продолжением прежде начатых споров на совместных англикано-православных встречах, и потому его утверждения могут быть понятны только в контексте этой проблематики, которую мы опускаем. Общий его вывод заключен в следующих словах: «во всей этой истории многое с англиканской точки зрения находится за пределом понимания. Я предполагаю, что при столкновении православного мышления с западным будет много осложнений, особенно с русскими, начиная с 1789 года находящимися под все более возрастающим влиянием Запада»^[25].

Итогом переписки, инициированной Полом Андерсоном, можно считать письмо о. Сергия канонику Дугласу от 3 декабря 1935 г. Судя по его содержанию, от себя лично каноник Дуглас выражал некоторое сочувствие о. Сергию и считал издание Указа неправомерным актом. Приводим текст письма о. Сергия полностью: «Сердечно благодарю за Ваше хорошее письмо, и выражаю глубокую благодарность за исследование Указа митрополита Сергия. По моему мнению, важность Указа сильно преувеличена. Ясно, что митрополит стал жертвой «информации», посланной Елевферием. Кажется абсолютно невероятным, что богослов не первого ранга мог обсуждать и даже официально осуждать, не познакомившись с работами автора. Это можно было бы воспринимать как скандал, если бы он был свободен в своих действиях. Для меня очевидно, что на митрополита Сергия было оказано давление, большевики использовали этот повод, чтобы опорочить деятельность Богословского института в моем лице, хорошо им известно. Указ был неожиданностью даже в приходах юрисдикции Московского Патриархата здесь в Париже, даже митрополит Елевферий пытался задержать его публикацию, но он был разослан из Москвы всем главам автокефальных церквей с большевистской быстротой и энергией. Разумеется, Указ не дает никакого представления о моей софиологии, поскольку его составитель сам не имел никакого представления о ней. Но я был рад узнать, что лично Вы проявили интерес и симпатию к этим символам и этой проблематике. Каждый, кто проявляет интерес к Византии или России, не может не заметить факт мистического почитания Святой Софии. Особенно благодарю за Вашу помощь в публикации работ брата Алексея^[26] с Вашим предисловием и замечательными гравюрами икон Премудрости Божией. Надеюсь, что публикация поможет понять проблему Премудрости Божией и древней традиции ее почитания Православной Церковью, а также отвести подозрения в ее гностическом происхождении. Лично я никогда не испытывал влияния гностицизма, с которым слишком мало знаком, чтобы было возможно такое влияние.

Искренне Ваш

С. Булгаков»^[27].

В итоге оказавшаяся доступной нам переписка Пола Андерсона свидетельствует о том, что поддержки по существу взгляды о. Сергия у англиканских богословов не нашли, — от содержательного участия в спорах о Софии они уклонились. Однако заслуга Андерсона состояла в том, что они не оказались и в числе противников о. Сергия, и Указ не оказал никакого влияния на их отношение к Православному Богословскому институту в Париже.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пол (Павел Францевич) Андерсон (1894–1984), первоначально — секретарь д-ра Дж. Мотта (1865–1955), руководителя американского отделения Young Men's Christian Association (YMCA). В эмиграции Андерсон деятельно помогал православной церкви и РСХД. См. его воспоминания: Anderson P.V. No East or West. Paris: YMCA-Press, 1985.

[2] Цит. по публ. Н.А. Струве в кн.: Булгаков Сергей, прот. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 412.

[3] Краткая история и первые шаги в России YMCA описаны в статье: Берд Р. YMCA и судьбы русской религиозной мысли (1906–1947) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год. Под ред. М.А. Колерова. М., 2000. С. 165–223. См. также первое издание этой статьи: Bird R. In partibus infidelium: Sergius Bulgakov and the YMCA (1906-1940) // Symposion. Vol. 1 (1996). P. 93–121. Однако в первые послереволюционные годы, когда YMCA оказывала помощь военнопленным, ее название переводили как Христианский союз молодых людей, именно так именовалась она в официальных бумагах YMCA, адресованных в российский МИД. Точно также на бланке неизменно присутствовал логотип YMCA — два треугольника, вписанные друг в друга, один — вершиной вверх, другой — вниз. Но именно логотип, образующий шестиконечную звезду, внушал наибольшие подозрения в стране, где государственным символом стала пятиконечная звезда, и логотип исчез с документов. Деятельность YMCA в России вскоре была прекращена большевиками, в начале 20-х гг. YMCA устанавливает контакты с религиозно настроенной молодежью русской эмиграции, где во многом под влиянием этих контактов осенью 1923 г. возникло Русское студенческое христианское движение (РСХД). Благодаря д-ру Дж. Кульману (1894–1961), одному из деятельных сотрудников YMCA, между РСХД и американским отделением YMCA устанавливаются деятельные контакты, в поддержании которых большую роль играл сотрудник американского отделения YMCA Поль Андерсон (Paul B. Anderson, 1894-1982). Следуя примеру Р. Берда, мы также используем английскую аббревиатуру названия организации и склоняем ее по женскому типу, в соответствии с женским родом ключевого слова — ассоциация.

[4] В дальнейшем — Богословский институт, в публикуемых письмах именуется еще Академией. Историю создания Богословского института см.: Двадцатипятилетний юбилей Православного Богословского Института в Париже (1925–1950) // Свято-Сергиевское подворье в Париже. К 75-летию со дня основания. СПб., 1999. С. 80–98.

[5] Берд Роберт. YMCA и судьбы русской религиозной мысли. (1906–1947). С. 196.

[6] Отчет о поездке в Америку Булгакова и Андерсона в 1934 г. опубликован в приложении к цитированной статье Р. Берда (Цит. изд. С. 205–216). Поездка описана также в «Американском дневнике» С. Булгакова (Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 301–323) и в книге Пола Андерсона: Anderson P. No East or West. Paris, 1985. P. 95–96).

[7] Зернов Н., Зернова М. Содружество св. мученика Албания и преп. Сергия // Соборность. Статьи из журнала Содружества св. Албания и преп. Сергия. 1998. С. 14–16.

[8] Подробно история Указа изложена в работе игумена Геннадия Эйкаловича «Дело прот. Сергия Булгакова: Историческая канва спора о Софии». (Сан-Франциско, 1980).

[9] Записка опубликована в приложении к журналу «Путь»: По поводу указа Московской Патриархии от 7 сент. 1935 г. // О Софии, Премудрости Божией. Париж: YMCA-Press, 1935.

[10] Все документы цитируются по архиву: Lambert Palas Library. Douglas Papers. Vol. 44. В дальнейшем указывается номер страницы (ff и номер). Цитируемое письмо — ff. 122–123.

[11] Ставровский Алексей Владимирович (1905–1972), член Братства патриарха Фотия, в прошлом — один из студентов Богословского института (курс не окончил). В 1931–1938 гг. был членом епархиального совета Литовской Епархии.

[12] ff. 124.

[13] Подробнее см. указанную работу игумена Геннадия Эйкаловича.

[14] ff. 120–121.

[15] ff. 124.

[16] Там же.

[17] Текст записки ff. 125–129.

[18] ff. 133.

[19] The Living Church. 9 nov. 1935. P. 485. Оксфордское движение — консервативное направление внутри англиканской церкви в 1820–1830-е гг., одним из продолжателей которого был известный англиканский богослов Чарльз Гор (1853–1932). Перевод статьи Пола Андерсона выполнен Робертом Бердом, с разрешения которого он цитируется.

[20] ff. 134.

[21] Там же.

[22] ff. 137.

[23] О Чарльзе Горе см. прим. 19.

[24] ff. 138–139.

[25] ff. 149.

[26] Mensbrugge Alexis vander, Fr. Fkom Dyadto Triad. London, 1935.

[27] ff. 150.